

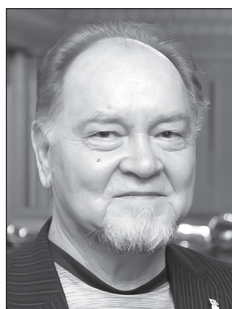
2. В недавно вышедшей книге, подытоживающей мой 50-летний опыт исследования проблемы сознания, приведены статьи, посвященные критическому анализу альтернативных концепций, в т.ч. ведущих представителей аналитической философии. См.: *Дубровский Д.И.* Проблема сознания: Теория и критика альтернативных концепций. — М.: ЛЕНАНД, 2019. — 400 с.

3. См.: Далай-лама. Вселенная в одном атоме. Буддизм и наука на службе миру. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2018. — 256 с.

Поступила в редакцию 14.08.2019 г. (№ 2367)

UDC 101.9

DOI: 10.30936/1606-951X-2020-22-1/2-211-225

В.А. КОНЕВ, Ю.М. РЕЗНИК

ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. Часть 1 (29 октября 2019 г.)

Аннотация: Беседа профессора Ю.М. Резника с профессором В.А. Коневым объединяет две темы. Первая посвящена обсуждению философской ситуации в современной России. Собеседники отмечают изменения, которые происходят как в содержании философских исследований, так и в институциональных формах организации жизни и деятельности философского сообщества в постсоветское время. Особое внимание собеседники уделяют возможностям и условиям интеграции российской философии с мировым философским сообществом.

Вторая тема беседы — направленность и содержание исследований в области философии культуры. Здесь внимание сосредоточено на проблеме специфики философского анализа культуры, особенностей развития современной европейской культуры, месте и роли индивидуального начала в культуре.

Abstract: Talk by Professor J.M. Reznik with Professor V.A. Konev combines two themes. The first is devoted to the discussion of the philosophical situation in modern Russia. The interlocutors noted the changes that occur in the content of philosophical studies, and in the institutional forms of life and activity of the philosophical community in the post-Soviet era. Particular attention is given to possible interlocutors and conditions of integration of the Russian philosophy of world philosophical community.

Конев Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор Самарского университета (Самара). E-mail: vakonev37@mail.ru;

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра философских коммуникаций Института философии РАН (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.

The second topic of the conversation is the focus and content of research in the field of cultural philosophy. Here the focus is on the issue of the specificity of the philosophical analysis of culture, especially the development of modern European culture, the place and role of the individual principle in culture.

Ключевые слова: философская ситуация в постсоветской России, философия в системе образования, философия культуры, культурная способность, культурная революция, типология культуры, индивидуальность.

Keywords: philosophical situation in post-Soviet Russia, philosophy of the education system, philosophy of culture, cultural ability, the Cultural Revolution, typology of culture, individuality.

О философской ситуации в сегодняшней России

Резник Юрий Михайлович: Владимир Александрович! Давайте поговорим вначале о ситуации, сложившейся внутри и вокруг философии. Вы уже участвовали в нашей дискуссии «Современная отечественная философия: люди, система идей и институты» [1]. Но теперь нам предстоит обсудить другие вопросы.

Я, несомненно, рад личной встречи с Вами. Много слышал о Вас хорошего. Наконец, встретился с Вами лицом к лицу, хотя Вы по-прежнему остаётесь для меня загадкой. Не зря Сергей Есенин в своём «Письме к женщине» писал:

*Лицом к лицу
Лица не увидать.
Большое видится на расстоянье.
Но там еще есть продолжение:
Когда кипит морская гладь —
Корабль в плачевном состоянии.*

Часто приходится слышать, что о современной философии и нынешних философах можно будет судить лишь тогда, когда они станут историей, т.е. окажутся чем-то «большим» и на значительном расстоянии. Как-то не хочется приближать этот счастливый момент и становиться частью истории вместе с философией. Предлагаю не дожидаться начала или конца истории и попробовать ответить на мой вопрос, постараться увидеть философию и друг друга «лицом к лицу».

Для начала попытаюсь сам ответить на вопрос, какое же лицо у нашей сегодняшней философии.

Конечно, некоторые слова из стихотворения Есенина я вырвал из контекста. Но если представить, что корабль — это не душа поэта, а наша философия, то получается очень символично. Да, наш корабль продолжает плыть, но и «морская гладь» в виде всевозможных бюрократических ловушек и формальных требований продолжает «кипеть». Растут как грибы во время дождя необоснованные критерии оценки научной и публикационной деятельности в области философии. Теперь уже недостаточно публиковаться в журналах, входящих в ВАКовский перечень или базу РИНЦ. Нужно пробиться в Scopus и другие международные издательские базы или на худой случай — попасть в «ядро» РИНЦ. Иначе твои научные опусы никому будут не нужны. Их попросту не включают в отчеты. А ведь занятия философией и философствование предполагают уникальный продукт — идеи, которые не поддаются тиражированию.

Конечно, наш корабль не разбит, а переживает трудные времена. И если у Есенина он символизирует очередной экзистенциальный кризис, то нам пора задуматься о при-

близости гуманитарной катастрофы, частью которой является утрата человеком мировоззренческих ориентиров, которыми прежде его питала культура и философия, в частности.

Поэтому мой первый вопрос состоит в следующем: «Что, на Ваш взгляд, происходит сегодня с нашей философией? И почему она оказалась в плачевном состоянии, как и есенинский корабль, который испытывает на прочность морская стихия?»

Конев Владимир Александрович: Спасибо, Юрий Михайлович, за приглашение на эту встречу.

Прежде всего, хотел бы уточнить, что такое «наша философия»? «Наша» — это какая? Всё, что выходит из-под пера тех, кто имеет научную степень по «философским наукам», и что произносится ими с кафедр университетов, или «наша» — это какая-то определенная по содержанию и методу философия? Когда в советское время говорили «наша философия», то ясно, что речь шла о марксистской философии.

Такая «наша философия» уже не существует в России. Если продолжить Ваш образ, навеянный стихотворением Есенина, о кипящей морской глади, которая кидает корабль философии туда-сюда, то можно сказать, что историческая стихия падения идеологически ангажированного государства разбила ту «нашу философию», которая самоосознавалась как марксистская философия.

Строго говоря, она не существовала уже как единая и в советское время, начиная с 1960-х гг., когда появились философия науки, философия человека, этика, эстетика, философия культуры. Эти философские дисциплины продолжили свое развитие и в постсоветское время, и те философы, которые профессионально работали в этих предметах, продолжали успешно работать, как работали, просто перестали приговаривать для успокоения цензоров «марксистская точка зрения», да критиковать «буржуазную идеалистическую философию». Те же, кто видел в философии только идеологию или «методологическое обоснование» господствовавшей в те времена идеологии, вот их корабль оказался в плачевном состоянии.

И здесь открывается еще один смысл термина «наша философия» — это те люди, которые волею судеб оказались связаны своей «ролевой» деятельностью с философией — преподают в вузах или работают в научных учреждениях (например, в Институте философии). И Ваш вопрос, Юрий Михайлович, больше относится к такому пониманию «нашей философии».

И эту «нашу философию» бросают туда-сюда совсем другие волны — не исторические катастрофы (замечу, что волны истории — это не только, и даже не столько распад СССР, а гораздо более глубокие процессы, связанные с цивилизационными и культурными изменениями), так вот, нас, как философов бросают туда-сюда волны бюрократии. И здесь «наша философия» едина, на неё обрушиваются одни те же волны. Их искусственно создают чиновники от образования и науки.

Но справедливости ради стоит заметить, что оценки деятельности научных и педагогических работников по статусу журналов, по месту издательства или по рьяности цитирования определённых текстов были и тогда, когда «морская гладь» не бушевала. Так что здесь отличие нынешнего состояния «нашей философии» от прошлого не столь велико.

Другой вопрос — нужна ли самой науке, а не чиновникам, такая градация по месту публикации, статусу журналов и пр. Наверное, стоит сказать — и да, и нет. Да — так как науке, т.е. людям науки, важно видеть какие идеи, какие направления иссле-

дования наиболее значимы, наиболее перспективны. Об этом с большей вероятностью (не значит, что безошибочно) может судить некое экспертное сообщество, уже признанные лидеры науки. Они-то, как правило, и формируют наиболее значимые издания — журналы, сборники и т.п. И если твоя публикация попадает туда, то тем самым признается её научная значимость.

Негативность такой градации результатов состоит в том, что поскольку это организация по своей форме носит социальный характер, то всегда возможны издержки её функционирования, которые порождаются внеучными факторами — финансовыми, политическими, культурными (например, язык публикации) и т.д.

Если говорить конкретно о нашей современной ситуации с публикациями в «престижных» изданиях, то, думаю, что надо создавать свою базу научных журналов, и относиться к этому профессионально серьезно. Я много лет участвую в работе редакционной коллегии ряда журналов, и знаю, что есть журналы, которые не пропустят в свет публикации слабые, а есть журналы, которые не ставят жестких критических фильтров.

Ю.М.: Как-то у Вас получается черно-белая картинка. Советская философия — «не наша», так как подверглась идеологическому диктату. Хотя и там были исключения. Вы на них обращаете внимание. А постсоветская философия имеет общего «врага» — бюрократию. Но ведь бюрократия была и в советское время. Может быть дело заключается в новом качестве постсоветской бюрократии и её еще большей идеологической ангажированности. Только идеология у неё уже не марксистская, а какая-то иная и точно «не наша». Под «ненашестью» я понимаю идеологию, привнесённую извне и препарированную бюрократией по-своему.

Но и это ещё не все беды нашей сегодняшней философии. Институциональное странство философии, как и других гуманитарных практик, продолжает сворачиваться в ситуации радикализации либеральных реформ высшего образования. Так, например, философские журналы переводятся на самоокупаемость и выводятся из реестра бюджетного финансирования. Они признаются нерентабельными с точки зрения рыночных критериев, а их тираж продолжает резко снижаться.

Год от года уменьшается количество образовательных программ и преподавателей философии в российских вузах. Кафедры философии сокращаются или объединяются с другими гуманитарными кафедрами, растворяясь в них и теряя свою профессиональную идентичность. Вместо них появляются кафедры или департаменты, в названии которых уже не встретишь слово «философия». К примеру, в НИУ «Высшая школа экономика» философский факультет был реорганизован в Школу философии (2014), которая оказалась в составе Факультета гуманитарных наук вместе с департаментами иностранных языков, литературы, истории, культурологии и лингвистики. Теперь поговаривают, что и Школу философии, которую возглавляет известный философ Порус Владимир Натанович, тоже собираются закрыть.

Но ВШЭ — это авангард либерального образования, можно сказать — «рассадник» радикального либерализма. А что же тогда говорить о региональных кафедрах философии. С ними вообще никто не считается. Каждый год с карты философских центров России исчезает несколько вузовских кафедр.

Вот и на сайте Вашего Самарского университета я читаю: «Кафедра философии образована 1 февраля 2017 года в результате объединения трёх кафедр: кафедры философии и истории, кафедры философии гуманитарных факультетов, кафедры истории и философии науки» (см. прим. 1). Какой-то настоящий мор напал на нашу философию.

Идёт повальное закрытие или сокращение философских подразделений вузов. И всё это — «дело рук» определенных, вполне конкретных структур и людей.

Как Вы, Владимир Александрович, относитесь к институциональному кризису отечественной философии? Считаете ли Вы, например, что кафедры философии как институциональные единицы должны исчезнуть с лица Земли и нужно искать новые организационные формы? Но ведь образовательные департаменты или научные центры, как известно, также не являются исключительно отечественными изобретениями. Каково будущее философии в образовательном пространстве России?

В.А.: Да, это вопрос жизни нашего сообщества и в то же время вопрос о положении философии в культуре нашего общества.

То, что философия как предмет преподавания в университетах, в специализированных вузах (а у нас философия преподается только в вузах) постоянно сокращается по часам и постепенно вытесняется из учебных планов — это факт. И это не институциональный кризис философии, это институциональный кризис высшего образования вообще, да и не только высшего. Я не понимаю, Юрий Михайлович, почему Вы это называете «радикализацией либеральных реформ высшего образования». К либеральным реформам это не имеет никакого отношения. Либеральные реформы высшего образования — это предоставление университетам академических свобод, право самим решать, что преподавать и как преподавать. Все работающие в вузах понимают, что современный университет или институт не могут преподавать так, как работали в прошлом веке. Изменилась культура, изменилась наука, изменились темпы развития науки и технологий. Современный выпускник (пусть он будет бакалавр или магистр) не может быть просто обучен чему-то, или даже приобщен к каким-то «компетенциям», которые, кстати, чиновники от образования требуют расписать по дисциплинам и даже по темам лекции, как будто это какие-то знания. Современный выпускник должен уметь свободно распоряжаться своим главным достижением — умом. А этого нельзя достичь не только без изучения философии, но и без широкого гуманитарного кругозора. Я думаю, что современное высшее образование, которое должно, именно должно, готовить креативного в своей сфере деятельности выпускника, придёт к тому, что первый курс любого бакалавриата (или семестр, по крайней мере) будет курсом новых «свободных искусств» = системой гуманитарных штудий, где философия, естественно, будет играть роль «координатора». Если этого не произойдет, то, думаю, будущее нашего вузовского образования будет незавидным.

Просто надо помнить, что в наших лучших вузах негуманитарного направления (например, физтеха) когда-то студенты вовсе не сидели только над формулами — они заполняли аудитории Политехнического музея на поэтических вечерах, осаждали «Современник», переписывали на магнитофоны песни бардов и т.д. Да и знаменитый спор физиков и лириков говорил вовсе не о презрении физиков к лирикам, а об умении физиков мыслить широко. Именно мыслить! И это мышление формировалось в той культурной атмосфере, которая получила название «время шестидесятников».

Теперь об институциональных преобразованиях — кафедры, департаменты, институты. Это тот же чиновничий зуд — создать видимость работы. И часто это губит дело. Вот Вы, Юрий Михайлович, вспомнили об объединении трёх кафедр философии в одну в нашем Самарском университете. Но это же следствие совершенно бездумного слияния двух университетов — Самарского государственного университета

и Самарского государственного аэрокосмического университета (национальный исследовательский университет).

Было два вуза, один — мощный технический вуз со своей историей, традицией авиастроения, своей ментальностью и т.д. Другой — молодой, но набиравший силы в фундаментальных исследованиях, университетский по духу. Слили по чиновничьему волеию. Чиновник ушел. А новый университет — и не университет по своему складу и духу, и уже не инженерный вуз. Конечно, со временем, возможно, выработается единство дела, мысли, настроения, для этого предпосылки есть. Но когда?

И еще один момент. Да мы привыкли к тому, чтобы были кафедры, факультеты. Теперь другие названия появляются. Исчезнут ли кафедры философии с лица земли, спрашиваете Вы. Может, и исчезнут. Назови, хоть горшком, только в печку не ставь. Важно, чтобы не исчезли люди, несущие философию в аудитории.

Не могу в этой связи не заметить. Условия занятия наукой в провинциальном городе и провинциальном университете кардинально отличаются от условий столичных городов или городов с сильным академическим окружением. Главное отличие — отсутствие среды, в которой естественно существует спектр разнообразных направлений исследования. В широком академическом окружении всегда можно найти человека, который обладает нужной тебе информацией, а в провинциальной среде тебе придется добывать её самому.

Поэтому, например, для меня после перехода в Самарский университет из Новосибирского университета в 1972 г. было важна не столько как называлась кафедра, сколько было важно попытаться создать такую среду, которая бы способствовала жизни философской мысли и философской тематики. На это стал работать семинар по философии культуры, который мы организовали и который провел уже больше 250 заседаний. Итог — академическая микросреда появилась, зажила. Кафедры могут быть переименованы, но вот среда единомышленников, для которых философия профессионально интересна и важна, она всегда будет семинарить.

Ю.М.: Кстати, философия преподается во многих колледжах — бывших техникумах. И причем в приличных объемах. Но дело также и в названии вузовских кафедр тоже. Кафедра философии — основная институциональная единица вуза, на которую возложено преподавание философии и проведение исследований. Это, прежде всего, коллектив. Объединение вузов — вторая причина институционального кризиса, инспирированного чиновниками. И кафедры, и вузы — это комплексы традиций, складывающиеся десятилетиями. Удар наносится в первую очередь по этим традициям, которые сплачивают коллективы. Вузы и департаменты без традиций даже с одними и теми же людьми — пустое дело. В них выхолащивается главное — ценностное ядро. Откуда возьмется среда единомышленников, если все разрознено и занимаются выживанием. Вы считаете, что Вам удалось в неформальной обстановке создать такую среду на базе постоянно действующего семинара. Но ведь это Ваша личная заслуга. А сколько расформированных или реорганизованных кафедр потеряли такую среду.

Кризис затрагивает не только институциональный фундамент философии, но и содержание исследований или образовательных программ. Еще 15 лет назад Нина Степановна Юлина в статье «Философская ситуация в России» поставила вопросы, которые до сих пор задают себе как иностранные коллеги, так и коллеги из соседних профессиональных цехов: «Если философия всё же остается в системе образования, что именно преподается студентам? Появились ли новые оригинальные концепции в сфере философии?» [2, 6].

Нина Степановна убеждена, что «честные» исследователи были всегда, в т.ч. и в советской философии. «Профессиональная интел-лектуальная честность с необходимостью ведет философа к Декартовскому взгляду на философию как на критическое мышление. Все это толкало философов за узкие рамки марксистской философии» [2, 10]. Они выходили в проблемные поля «логического эмпиризма, постпозитивизма, аналитической философии, феноменологии, структурализма, неофрейдизма, постмодернизма, различных форм религиозной философии и т.д.» [2, 10].

Н.С. Юлина считала, что одной из главных причин нашего отставания от так называемых «мировых эталонов» являлось отсутствие в советские годы живого диалога с западными коллегами. Но сегодня ситуация резко изменилась. Наши коллеги регулярно участвуют в международных конференциях. Мы вышли в значительной мере из пространства идеологической изоляции, хотя как страна пока остаемся в экономической и политической изоляции. Но, по словам Юлиной, своё отставание от западной философии мы так и не преодолели, ограничиваясь написанием философских эссе, а не фундаментальных трудов.

Еще один довод против философской эссеистики, которая преобладает, с точки зрения Н.С. Юлиной, в современной российской философской и околофилософской литературе, заключается в том, что в ней помимо рефлексивного жанра отсутствуют фильтры теоретической апробации и доказательности или аргументированности. Речь, конечно же, в первую очередь идёт о так называемой литературной философии, которая размывает границы между здравым смыслом и доказательными посылками.

Однако Н.С. Юлина упрекает наших коллег по профессиональному цеху не всегда справедливо. Так, она попрекает их за избирательное отношение к различным философским концепциям и типам философствования на Западе, поскольку чаще всего они выбирают те из них, которые созвучны «русскому духу». О вкусах, как известно, не спорят и отечественные исследователи вправе выбирать то, что соответствует их взглядам, настроениям и стилевым предпочтениям. Я не уверен, что следует ставить на пьедестал «респектабельную и рационалистическую традицию европейской мысли», занижая результаты творческой деятельности отечественных философов.

И еще один момент мне хотелось бы отметить. Это — не всегда скрываемый профессиональный снобизм некоторых коллег, профессионально занимающихся историей философии. В их позиции часто сквозит предубеждение, что большинство российских исследователей и преподавателей философии склонны к гипотезированию архаических или идеологических форм мышления (архетипов и идеологем), якобы присущих их менталитету. Поэтому им обязательно надо реанимировать «русскую идею» или создавать «русский марксизм» и пр. По-другому они просто не способны мыслить философию и себя в философии.

Я с таким подходом категорически не согласен. Так можно зайти очень далеко. Да и тему «Философия и идеология» мы еще не исчерпали до конца. Не стоит шарахаться от идеологии, как черт от ладана. Мне близка точка зрения В.М. Межуева о том, что философия имеет общие корни с идеологией. Но это уже тема отдельного обсуждения.

Не стоит также обвинять отечественных авторов в том, что у них нет новых концептуальных моделей, соответствующих современности. В российской философии до сих пор преобладает историко-философский подход, а значит — «описание того, что происходило или происходит в философии...» [2, 20]. И здесь вина не самих авторов, а тех, кто предлагает им «мировые эталоны» или западные стандарты философствования.

Владимир Александрович! В этой связи у меня имеется к Вам сразу несколько вопросов. Действительно, ли философия не имеет идеологических и национально-культурных границ? Преодолен ли, на Ваш взгляд, изоляционизм в отечественной философии? Можно ли называться философом, не будучи укоренен в свою национальную культуру? И есть ли у нас сегодня собственные философские теории и школы? Или мы обречены, с одной стороны, на вечное освоение и переосмысление западной философской мысли, а, с другой, на написание бездоказательных по форме и малосодержательных по сути философских эссе? Каковы Ваши выводы?

И еще один сюжет. По мнению Виталия Куренного, заведующего отделением культурологии и главного редактора журнала «Логос», «философия, утратив характер универсальной системы, смиряет свои претензии и превращается в специфическую рефлексию научной рациональности как таковой. Этот тренд философского знания является наиболее мощным и наиболее продуктивным. В этом смысле философия выстраивается как теория науки, философия науки и история науки. Меняются языки, которые философия для этого использует, у неокантианства это одни инструменты, у аналитической философии – другие инструменты, но это нормальный путь развития философии как профессиональной научной дисциплины» (см. прим. 2).

Согласны ли Вы, Владимир Александрович, с данным утверждением Куренного? Действительно ли философия превращается в рефлексивного двойника науки и у неё больше нет или не должно быть претензий на построение собственных универсальных схем мироздания? Ведь до сих пор считалось, что философия мыслит мир сквозь призму всеобщего.

В.А.: Наша беседа, Юрий Михайлович, начинает напоминать мне беседу двух старейшин, как её описывает Томас Манн в своем романе «Иосиф и его братья». Первый спрашивает второго: «Известно ли вам, что Авраам родил Иакова, а Иаков ...» и так перечисляется длинная родословная и дела прародителей. А потом второй, смиренно выслушав первого, отвечает: «Да, мне известно, что Авраам родил Иакова, а Иаков ...» и дальше перечисляет то же самое. Вот и я вслед за Вами могу только повторить, что, да, всё, что писала Нина Степановна Юлина справедливо, хотя, как Вы тоже справедливо заметили, в чем-то она зря упрекает отечественных философов.

Совершенно очевидно, что те, кто профессионально работал в философии, тот не был скован, как выражается Н.С. Юлина, «узкими рамками марксистской философии», а разрабатывал такие философские проблемы, которые были актуальны для философии, науки и культуры. В.С. Степин в 1979 году издал свою книгу «Становление научной теории», в которой впервые изложил свою оригинальную концепцию научного знания, которая потом получила мировое признание как конструктивистская теория.

Можно вспомнить Э.В. Ильенкова, О.Г. Дробницкого. Каждый из них по-своему разработал концепцию природы идеального или сущности ценностей. Были и другие работы. А вообще я против такого выражения «узкие рамки марксистской философии». Всякая концепция философская, если она концепции, тогда она имеет свои рамки и тем самым ограничивает исследование этими рамками. Будь это феноменология, экзистенциализм, логически позитивизм и т.д. В этом смысле марксистская философия, если её понимать, исходя из «Тезисов о Фейербахе» Маркса, ничем не отличается от других философских концепций. Другой разговор, что под марксистской философией в советское время понимали скорее идеологические установки, подкрашенные какими-то квазифилософскими постулатами, вроде борьбы проти-

воположностей. Вот такой «советский марксизм» ограничивал мысль философскую, потому что это была не философия, а идеологический надзор.

И обратите внимание, что в 1960-1970-е годы наиболее интересные события в философии происходили не на кафедрах, не в публикациях, а на стихийно возникавших семинарах, симпозиумах — семинары Г.П. Щедровицкого, семинар В.С. Библера, лекции М.К. Мамардашвили, семинар М.А. Розова в Академгородке Новосибирска, летние симпозиумы Института истории естествознания и техники, которые проводил Б.С. Грязнов и другие подобные собрания.

И в ответ на Ваш вопрос — отношение философии и идеологии — я скажу: идеология тоталитарного государства всегда вредит философии, потому что такая идеология становится цензурой. Навредила она и развитию нашей отечественной философии — знаменитый «философский пароход» выкорчевал цвет гуманитарной интеллигенции из российской культуры, и только через два поколения снова появилась та критическая масса умов, которые смогли воспринять и восстановить утраченное. Но даже не высланные из страны философские умы не могли работать в условиях идеологической цензуры. Здесь достаточно вспомнить М.М. Бахтина, который в 1921-1924 гг. набрасывает свою концепцию «первой философии», которая предвосхищает идеи фундаментальной онтологии Хайдеггера. Но рукопись «К философии поступка» так и осталась не превращенной в книгу и опубликована только в 1985 г.

Вот Вам ответ, почему в отечественной традиции нет «концептуальных моделей». Они не могут возникнуть на пустом месте. Для их появления сложились условия в тот век, который мы называем «серебряным». Вся плеяда российских философов первой трети прошлого века как раз была готова создавать такие «концептуальные модели», которые стали бы стволами, на которых распускались бы различные философские фантазии. Но... Те, кто оказался за границей, потеряли почву, а кто остался здесь, потеряли голос.

И вот Вам, Юрий Михайлович, ответ на то, укоренена ли философия в национально-культурные границы или нет. Укоренена, и еще как! Российская философия (та, которая сформировалась в конце XIX — начале XX вв.), на мой взгляд, отличается от западноевропейской тем, что, если последняя философия была, прежде всего, критикой познавательного опыта, научное знание для нее было образцом проявления сознания, то российская философия формируется как критика ценностного опыта, образцом проявления сознания для нее выступает вера и смысл. Поэтому она и выступала, прежде всего, как религиозная философия, поэтому Бахтин обратился к поступку, а затем к литературе, а Лосев к имени, мифу и музыке. Поэтому так легко она поддавалась обаянию идеологии.

Я согласен с Вами, что В.М. Межуев прав, когда говорит о родстве философии и идеологии. Если идеология это, в широком смысле этого слова, логос о значимых для какого-то сообщества идеях (ценностях), то философия как критика оснований действия и осознания мира всегда ориентирована на выявление оснований тех идей и тех смыслов сознания, которые волнуют данное сообщество. Философия всегда укоренена в своей культуре и всегда шлифует идеи своей культуры.

Ваш вопрос о том, есть ли у нас сегодня собственные теории и школы, — это вопрос коварный. Ответ на него даст время. Я уже упоминал семинар В.С. Библера, из которого вышел целый ряд хорошо известных исследователей культуры. Поскольку мой интерес — философия культуры, то не могу не сказать, что исследования, напри-

мер, М.С. Кагана не прошли даром для нашей философии. Его «Философия культуры», «Философия ценностей» – книги европейского уровня. Не буду здесь кого-то выделять из ныне действующих философов, упомяну только о том, о чём сам писал. Думаю, что идея логики культуры, которую развивает акад. А.В. Смирнов, – это новая мысль, отличающаяся от традиции европейской философии. Там логика – слепок с бытия, это логика вещи. Здесь логика – логика начала, способ разворачивания и сворачивания этого начала, которое может быть различным. И это в традиции именно русской философии.

Наверняка есть немало других значимых исследований. Беда нашего сообщества, что мы плохо знаем работы друг друга. Ведь надо учитывать, что Россия отличается от любой европейской стране своими размерами. В Германии или Франции сообщество философов не так разделено просто в силу территориальной близости. Нам нужно искать новые формы информационных контактов, активнее развивать рецензирование работ друг друга и т.п.

Новые концептуальные решения рождаются только на хорошо обработанном поле, которое пропахано множеством различных философских штудий, которые ведутся сообществом, в т.ч. и в форме тех философских эссе, о которых Вы, как и Юлина, неодобрительно отозвались. Я не склонен думать, что в своих лучших образцах современная отечественная философия лишь переосмысляет западную мысль, она достаточно разнообразна и оригинальна.

Хотел бы еще откликнуться на Ваши замечания по поводу того, что в российской философии якобы преобладают историко-философские исследования. Да, наверное, если посчитать процент таких исследований в общем количестве публикаций, то их будет много (правда, никто этого не считал – во всяком случае, я не знаю таких цифр). Но это естественно, так как «вход» в философию единственный – тексты других философов. Это количество говорит о том, что сообщество активно осваивает культуру философского дискурса. И это нормально. Но я бы не стал называть это исследованиями истории философии, хотя многие публикации содержат интересные наблюдения.

Исследования истории философии – это философская специализация, которая не просто даёт изложение и интерпретацию того или иного текста. Это – анализ движения и состояния мысли философа, воссоздание события мысли, след которого – текст или тексты философа. И в нашем сообществе есть такие исследования, достаточно вспомнить книги Н.В. Мотрошиловой, и не могу удержаться, чтобы не сказать о книге В.В. Васильева «Подвалы Кантовской метафизики».

Относительно утверждения Виталия Куренного о том, что автономность философии сохраняется только тогда, когда она становится теорией науки, философией науки, историей науки. Нет, я в этом с Виталием Куренным, очень мной уважаемым культурологом и историком мысли, не соглашусь (я давно его знаю, когда-то он выступал у нас в Самаре на нашем семинаре «Философия культуры», на конференциях).

Не соглашусь, вот почему. У Куренного в том выступлении, на которое Вы, Юрий Михайлович, ссылаетесь, речь идет о том, где и как философия как наука сохраняет свою самостоятельность, автономность. Он считает, что только тогда, когда она анализирует науку. Так как тогда, когда она обращается к проблемам человека, она ангажируется в дела человеческие и теряет самостоятельность. Но, во-первых, при анализе науки философия также ангажируется в состояние науки, и одно дело анализ

классической науки, другое – постклассической. Споры в рамках аналитической философии не менее горячи, чем философские дискуссии о ценностях и человеке. Достаточно вспомнить спор Витгенштейна с Поппером, когда в ход пошла даже кочерга. Во-вторых, если посмотреть на панораму развития философии XX в., то явно видно, что наиболее знаковые события в философии – это не события, связанные с осмыслением языка науки, а с осмыслением бытия человека в различных его вариантах.

Феноменология, экзистенциализм, структурализм, фрейдизм, так называемая постмодернистская философия, – всё это философия. И несмотря на то, что эта философия может быть очень ангажирована, она не теряет своей автономности. Ссылки Куренного на то, что в советское время философские дискуссии решались не философами, а партийными аппаратчиками, к философии отношения не имеют. Это не было движением в философском дискурсе!

Конечно, философия – это не только философия науки. И здесь А. Бадью более прав, чем В. Куренной, когда французский философ говорит, что философия должна ориентироваться на осмысление математики, поэмы, политики и эроса. А я бы сказал, что в XX и особенно в нынешнем веке, это главным образом не философия науки, а философия поступка, если воспользоваться термином Бахтина, философия значимого (осмысленного) действия в разных сферах. Конечно, современный философский дискурс антиметафизичен, но он сохраняется как дискурс об основаниях мысли, действия, оценки.

Ю.М.: Несколько вопросов о философских коммуникациях, которые для меня важны как для руководителя Центра с таким названием. Так, упоминаемая мной Н.С. Юлина полагает, что отсутствие живого общения советских исследователей и их зарубежных коллег связано с тем, что «философская жизнь не была организована в форме сообществ людей, объединенных решением проблем и являющихся средоточием наиболее плодотворных дискуссий» [2, 12].

Автор не признает в качестве таких организаций официальные структуры, в т.ч. Философское общество СССР, которые проводили, по её мнению, научные мероприятия скорее на ритуальном, а не на проблемно-содержательном уровне. С её же точки зрения, ритуализм, монологизм, авторитарность, проповедничество или начетничество – вот стилиевые характеристики общения как советских, так и нынешних российских философов. Потому философские споры у нас редко поднимаются до уровня «сократического диалога», предполагающего свободу критики, право на собственную позицию, авторитет только сильного аргумента и т.д.» [2, 12].

Мне трудно согласиться с такими доводами. А Вам, Владимир Александрович? Согласны ли Вы с тем, что мы, люди, работающие в философском поле, так и не научились дискутировать, выстраивать равноправный диалог как между собой, так и с зарубежными коллегами? И второй вопрос: Знаете ли Вы такие дискуссионные площадки в современной России, которые соответствуют вышеуказанным критериям (диалогичность, аргументированность, критичность и пр.)? И, наконец, еще один в этом разделе вопрос: Есть ли перспектива у Российского философского общества (РФО) стать такой дискуссионной площадкой или сетью площадок?

В.А.: Да, общение людей, занимающихся наукой, это необходимый фактор успешной исследовательской работы, чтобы не употреблять высокое слово – творчества. Я уже говорил о том, что отличает провинциального ученого от ученого, живущего в столичном городе или в месте с большой концентрацией учебных и научных

институций. И Н.С. Юлина права, что фактическая изоляция советских исследователей от их зарубежных коллег мешала развитию нашей философии и её интеграции в мировое философское пространство.

Я в этой связи вспоминаю одно замечание акад. П.Л. Капицы, который, говоря о Ломоносове, спрашивает: «Почему Ломоносов, который в XVIII в. сделал первым в Европе ряд величайших открытий в естествознании, в астрономии, в других областях, но он сам и его открытия в науке того времени остались незамеченными?», и отвечает: «Потому что не было общения российских ученых с европейскими учеными того времени».

Каждый, кто ищет ответы на какие-то научные проблемы, хорошо понимает, что только чтения статей, книг и сбора всякой информации недостаточно, нужно живое общение с коллегами, во-первых, чтобы уточнить смыслы той информации, которая есть в публикациях, но которые не вошли и не могли войти в опубликованные тексты. А во-вторых, чтобы проверить свои выводы как на истинность, так и на значимость.

И вот здесь я не соглашусь с Н.С. Юлиной, которая совершенно негативно оценивает те многочисленные конференции, которые «власти активно поддерживали». Не соглашусь, потому что на этих конференциях не только были «ритуалы» зачитывания докладов, но и огромное кулуарное общение, благодаря которому и устанавливалась та атмосфера, которая создавала почву для создания тех «групп профессионалов», о которых пишет сама Нина Степановна, и которые занимались философией науки и не только, но и другими областями философии.

Например, в области эстетики, которая как самостоятельная сфера философских занятий конституировалась в нашей стране в начале 1960-х гг., благодаря кафедре эстетики проф. М.Ф. Овсянникова на философском факультете МГУ, благодаря систематическим семинарам, которые в 1960-1970 гг. проводились в Питере, Свердловске и других городах. Или в области исследования культуры – благодаря семинарам Ю.М. Лотмана и сообществу, которое сплотилось вокруг него. Так что плодотворное общение людей, которые стремились профессионально работать в той или иной области философии, было и в советские времена.

Я вообще не сторонник того, чтобы зачеркивать свою собственную историю и смотреть на советское прошлое как на капэссэное. В то самое время не считаю, что тоталитарное государство есть благо, не считаю, что сплочение общества должно достигаться идеологией или единой идеей, и уж тем более не оправдываю репрессии и ущемление прав человека. Но как человек, чья судьба укоренена в истории и культуре этой страны, я ищу вдохновение для своей мысли и силы для своей жизни здесь, в этой истории, в этой культуре.

Дело историков разбираться, что, почему и как привело Советский Союз к распаду, а при оценке своей личной истории (и как человека, и как исследователя, и как преподавателя философии) я стремлюсь увидеть не то, что мешало мне, а что способствовало формированию меня как личности и как философа. Думаю, что такой принцип оценки прошлого в целом ценностно значим: нельзя рубить сук, на котором ты сидишь; надо обрубать засохшие ветки, но для этого нужно отличить основание от этих веток.

Есть ли ныне площадки для дискуссий. Скажу, что есть. На тех конференциях, на которых бываю, к сожалению, сейчас реже, идут нормальные дискуссии и живое

обсуждение проблем всегда есть. Пример, конференции проф. К.С. Пигрова, конференции Онтологического общества и др.

Думаю, что РФО может быть организационной опорой создания «площадок» для обсуждения различных философских проблем. Конечно, Философские конгрессы – это не такая площадка. Это выставка результатов, ознакомление сообщества со своими достижениями. Вряд ли здесь будут какие-то обсуждения – регламент не позволит. Но так происходит на всех мировых конгрессах. Но РФО должно, вероятно, создавать внутри себя нечто вроде «проблемных советов», которые были когда-то при Министерстве высшего образования и которые, кстати, довольно успешно работали (скажу в пику Н.С. Юлиной). Эти «проблемные советы» благодаря современным информационным технологиям могут работать on-line. Журнал «Вестник РФО» – тоже хорошее средство налаживания контактов в сообществе, что он и делал уже отчасти.

Ю.М.: Не могу согласиться также с тем мнением, что в сегодняшней отечественной философии преобладают темы о человеке, в т.ч. философская антропология, экзистенциализм, прикладная этика и пр. Как раз в последние годы доминирует, на мой взгляд, эпистемологическая проблематика в философских исследованиях. Достаточно проанализировать научные мероприятия, проводимые в стенах Института философии РАН. Эпистемология и проблемы науки в философских исследованиях в значительной мере «потеснили» онтологию и антропологию, а аналитическая философия прочно обосновалась во многих академических кабинетах, отодвинув персонализм, экзистенциализм и другие субъективистские течения. Вместе с тем отечественная философия всё больше отходит от идеала «любомудрия» и склоняется перед идолом сциентизма.

По-прежнему звучат призывы вернуться в современное цивилизационное пространство, в лоно так называемой мировой философии. Но ведь мы оттуда никогда и не выходили. Даже русская религиозная философия сложилась в контексте тесного взаимодействия с западноевропейской мыслью. Нужно ли нас упрекать в излишнем гуманистическом пафосе, в игнорировании картезианского типа философствования или в склонности к поиску собственного пути? И почему понятия «вера», «судьба», «интуиция» следует предпочитать понятиям «разум», «свобода критики» и пр.? Но это риторические вопросы.

Мои же вопросы к Вам, Владимир Александрович, таковы. А что Вы думаете по всем этим проблемам? Какие философские течения сегодня господствуют в российской философии? Нужно ли противопоставлять в философии рационализм и иррационализм, субъективизм и объективизм? И стоит ли нам (отечественным исследователям) снова, уже в который раз «возвращаться» в семейство мировой (западной в моём понимании) философии, игнорируя свои идейные и национально-культурные традиции?

В.А.: Поскольку мои научные интересы сосредоточены в области философии культуры, то мне трудно сказать, насколько и как представлены в нашей философской литературе эпистемологическая проблематика и философия науки.

Лично я, как исследователь, исхожу из убеждения, что поскольку нынешний этап цивилизационного развития совершенно очевидно связан с очень кардинальными изменениями в развитии науки, технологии, социальных и культурных процессов, то внимание философии к цивилизационным процессам, т.е. ко всей той действительности, которая может быть названа миром человеческого существования, становится определяющим для всей философии.

Поэтому вряд ли справедливо сохранять при оценке актуальных философских исследований старые терминологические противопоставления — рационализм-иррационализм, субъективизм-объективизм. Если я анализирую ценностные сдвиги, которые произошли или происходят в современной культуре, то по какому «ведомству» их зачислить — субъективизм/объективизм и пр. Эти изменения происходят объективно — есть на то основания в истории общества, в истории самой культуры, но происходят они не просто в результате действий человека (мол, история требует, а человек тут-как-тут — по Плеханову), а создаются творческой энергией человека. «Черный квадрат» Малевича — это что, порождение истории или изобретение Малевича? Очевидно, что здесь действуют другие «законы» — именно об этом писал Хайдеггер, когда вводил понятие трансцендентальный перфект, а Мамардашвили говорил о метафизике априори.

То же с понятиями рационализм/иррационализм. Конечно, философ должен быть рационалистом, т.е. ученым, а не мистиком или шаманом. Но в научном рассуждении могут реализовываться разные типы рациональности, о чем, как известно, писал тот же Мамардашвили. А может быть даже различные логики, о чём говорят исследования А.В. Смирнова. Исследование должно опираться на факты, должно предъявлять свои аргументы, которые могут быть поняты или проверены, должно, в конце концов, указывать на то, как его результаты меняют наши представления о мире, человеке или науке. По этим параметрам всегда судят о любом научном исследовании, по ним нужно судить и философские работы, а не потому к какой философской традиции они относятся. Если к аналитической — хорошо, научно, а если к экзистенциальной — ну, что поделаешь, пусть так и будет, раз уж так повелось в этой стране.

А теперь о «возвращении» в мировую философию.

В философию не возвращаются. Ты либо в ней находишься, либо нет. Имеются значимые для философия труды — ты в философии. Нет — ты вне её. Но здесь есть один нюанс. Вопрос не только в значимых трудах, вопрос в том — знают ли их в других странах. И вот это зависит уже не только от российских умов, а от интереса умов других стран. Да, на Западе знают работы М.М. Бахтина. Но когда Запад узнал о них? Спустя несколько десятилетий после их выхода. Или работа В. Проппа «Морфология волшебной сказки», которая за 20 лет до К. Леви-Стросса открывает методологию структурализма. Она становится известна самому основателю структурализма спустя 30-40 лет после её выхода. Кто в этом виноват? Бахтин? Пропп? Поскольку и работа о Достоевском Бахтина, и работа Проппа вышли ещё в конце 1920-х гг., когда железный занавес сталинского режима еще не опустился, то виноваты те, кто не интересовался научными открытиями российских ученых.

Так что находимся мы в едином сообществе с европейскими философами или нет, зависит не только от нас.

Но от нас зависит создание институциональной формы «вхождения» в европейское (и не только европейское) сообщество — создание материальных условий для командирования на длительные сроки в западные университеты и научные центры наших преподавателей, научных сотрудников, аспирантов (особенно тех, тема исследования которых требует непосредственного знакомства с той или иной страной), а также условий для приглашения иностранных исследователей для чтения лекций, руководства магистерскими и аспирантскими диссертациями, издание двуязычных журналов (прекрасным примером здесь является журнал «Кантовский сборник», из-

дающийся Балтийским университетом) и другие формы сотрудничества. Правда, «от нас» — означает — не от нас, как сообщества философов, а от нас — как от государства, которое должно нормально финансировать науку и образование, если оно заинтересовано в том, чтобы наше общество было здоровым и образованным.

Ю.М.: Спасибо, Владимир Александрович! Не со всеми Вашими доводами я согласен, но, в конце концов, это Ваша позиция, заслуживающая уважения.

Окончание следует...

ЛИТЕРАТУРА

1. Современная отечественная философия: люди, система идей и институты (С.С. Аванесов, А.М. Бекарев, Ф.И. Гиренок, П.С. Гуревич, И.И. Докучаев, И.Т. Касавин, С.В. Комаров, В.А. Конев, А.А. Кузьмин, А.Л. Никифоров, А.М. Орехов, К.С. Пигров, М.А. Пронин, В.И. Разумов, Ю.М. Резник, В.М. Розин, О.А. Скоркин, И.П. Смирнов, С.А. Смирнов, Г.Л. Тульчинский, В.Н. Щербина) // *Личность. Культура. Общество.* — 2017. — Т. 19. — Вып. 3-4 (№№ 95-96). — С. 131-198.

2. *Юлина Н.С.* Философская ситуация в России // *История философии.* Вып. 10. — М.: ИФ РАН, 2003. — С. 6-22.

BIBLIOGRAPHY

1. *Sovremennaya otechestvennaya filosofiya: lyudi, sistema idey i instituty* (S.S. Avanesov, A.M. Bekarev, F.I. Girenok, P.S. Gurevich, I.I. Dokuchayev, I.T. Kasavin, S.V. Komarov, V.A. Konev, A.A. Kuzmin, A.L. Nikiforov, A.M. Orekhov, K.S. Pigrov, M.A. Pronin, V.I. Razumov, Yu.M. Reznik, V.M. Rozin, O.A. Skorkin, I.P. Smirnov, S.A. Smirnov, G.L. Tulchinskiy, V.N. Shcherbina) // *Lichnost. Kultura. Obshchestvo.* — 2017. — T. 19. — Vyp. 3-4 (№№ 95-96). — S. 131-198.

2. *Yulina N.S.* *Filosofskaya situatsiya v Rossii* // *Istoriya filosofii.* Vyp. 10. — M.: IF RAN, 2003. — S. 6-22.

Примечания

1. См.: <https://ssau.ru/info/struct/op/deps/ph>; дата обращения — 27.10.19.

2. См.: <https://postnauka.ru/video/15080>; дата обращения — 27.10.19.

Поступила в редакцию 23.03.2020 г. (№ 2368)